

И. Д. Киквидзе
Кутаиси, Грузия

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТЕОЛИНГВИСТИКА: ПРЕДМЕТ И ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. Идея выделения теолингвистики как самостоятельной дисциплины с четко очерченным кругом проблем, целью и задачами, объектом и методами исследования возникла сравнительно недавно. Первые научные работы, в которых широкий спектр проблем, связанных с изучением религиозного языка, разрабатывался в рамках нового направления, появились в конце XX века. В статье рассматриваются основные понятия теолингвистики: теонема, религиолект, религиолектизм. Религиолект понимается как сравнительно устойчивая, социально маркированная подсистема языковой системы, которая обслуживает речевые потребности ограниченной социальной группы верующих — членов определенного религиозного общества. Одним из перспективных направлений синхронной теолингвистики представляется сопоставительная теолингвистика, цель которой — исследование религиозной сферы в сопоставляемых языках. Оно должно охватывать все уровни языковой системы, однако наиболее релевантными (особенно при сопоставлении разнотипных языков) оказываются уровни лексики и фразеологии. Статья основана на сопоставительном исследовании грузинского и русского языков, сфокусированном на отдельных лексических группах (например, наименованиях православных праздников), отдельных словах, имеющих особую смысловую нагрузку и представляющих собой ядерные лексемы лексико-семантических групп с религиозным значением (например, «соборность», «Пасха», «святой» и т. д.). Выявляются общие признаки в религиозной лексике грузинского и русского языков: специфические православные термины, не известные за пределами религиолекта; обилие заимствований (в основном грецизмов и латинизмов). Выявляются отличия сопоставляемых религиолектов, например безэквивалентные единицы, наличие которых в языке связано с особенностями традиций, культуры народа (названия типов колокольного звона с религиозным значением (например, названия типов церковного пения в грузинском языке)).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сопоставительная теолингвистика; религиолектизм; теонема; русский язык; грузинский язык; сопоставительное языкознание.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Киквидзе Инга Джимшиервна, доктор филологии, профессор департамента славянской филологии Государственного университета Акакия Церетели, Кутаиси, Грузия; 4600, Грузия, Кутаиси, пр-т Царицы Тамары, 59; e-mail: ingakikvidze@rambler.ru.

В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к исследованию языка религии, взаимоотношений языка и религии, на основе чего в конце XX и начале XXI в. сформировалась новая дисциплина — теолингвистика (греч. *theos* — «Бог» и лат. *lingua* — «язык»).

Вопросами, релевантными для данной научной сферы, занимались и ранее, однако идея выделения теолингвистики как самостоятельной дисциплины с четко очерченным кругом проблем, целью и задачами, объектом и методами исследования возникла сравнительно недавно. Именно этим обусловлена неоднородность подходов к пониманию целей и задач теолингвистики, а также круга вопросов, актуальных для данной дисциплины.

Первые научные работы, в которых широкий спектр проблем, связанных с изучением религиозного языка, разрабатывался в рамках нового направления, появились в конце XX в.

Термин «теолингвистика» («theolinguistics») впервые использовал бельгийский лингвист Жан Пьер ван Нoppen (J.-P. van Noppen), а в 1987 г. Дэвид Кристал (D. Crystal) внес его в Кембриджскую языковую энциклопедию, в которой *теолингвистика* определяется как дисциплина, изучающая «язык библеистов, теологов и прочих специалистов, занимающихся теорией религии, и практикующих верующих» [Crystal 1995: 412].

В начале XXI в. проблемы теолингвистики стали активно разрабатываться в работах Михаэля Теля (Michael Thiele), Альбрехта

Гройля (Albrecht Greule), Эльжбеты Кухарска-Драйс (Elżbieta Kucharska-Dreiß), А. К. Гадомского, В. И. Постоваловой, И. В. Бугаевой, В. А. Степаненко, К. Кончаревич, А. А. Буевич и др. В настоящее время в рамках теолингвистики ведутся исследования по различным направлениям: характеристика языка религиозных текстов, особенности перевода богословских текстов, проблемы лексикографии, зортология, религиозный дискурс и др.

В синхронной теолингвистике перспективным и актуальным направлением представляется сопоставительная теолингвистика, определение предмета, цели, задач, методов которой в настоящее время находится на начальном этапе. В работах основоположников данной области языкознания даны лишь общие указания на перспективу сопоставительных исследований, но не представлены какие-либо положения, поясняющие конкретные цели и методологию исследований. На актуальность выявления и исследования широкого круга проблем сопоставительной теолингвистики указывает профессор православного богословского факультета Белградского университета Ксения Кончаревич, которая целью сопоставительной теолингвистики считает «изучение проявлений религии, которые закрепились и отразились в сопоставляемых языках», независимо «от их генеалогической и типологической принадлежности, а также тождества, сходства и различия в способах отражения, сохранения и передачи религиозного содержания» [Кончаревич: 15]. Автор опре-

деляет следующие задачи, необходимые для достижения поставленной цели:

« (а) выбор материала из соответствующих источников на сопоставляемых языках;

(б) дифференциация полученного материала;

(в) систематизация полученного материала и

(г) интеграция полученного материала в целях выявления релевантных для теолингвистики тождеств, сходств и различий между сопоставляемыми языками» [Там же].

Необходимость решения конкретных вопросов и выбор релевантных методов исследования определяются множеством факторов: какие языки сопоставляются, изучение языка каких религий осуществляется в исследовании, изучаются ли в сопоставляемых языках проявления одной и той же религии или же разных религий и т. д.

В центре внимания исследований, проводимых в рамках сопоставительной теолингвистики, оказываются языковые средства различных уровней, с помощью которых происходит выражение религиозного содержания. Для обозначения указанных языковых средств предложено несколько терминов, среди которых наиболее часто используются термины «теонема» [Гадомский 2004, 2010] и «религиолектизм» [Бугаева 2010; Кончаревич 2012].

Теонема понимается как языковой знак, функциональная единица языка, выражающая содержание теологического характера, как инвариант, реализация которого происходит на разных уровнях языковой системы в виде синтаксических, фразеологических, лексических, словообразовательных, морфологических, морфонологических, фонологических вариантов. Причина, по которой предпочтение отдается термину «религиолектизм», состоит в том, что теонемы недостаточно широко представлены на различных уровнях языковой системы (кроме лексического и фразеологического уровней), вследствие чего потенциал сопоставительного анализа, при котором теонема может быть использована в качестве *tertium comparationis* (именно такой подход использует в своих исследованиях А. К. Гадомский), довольно ограничен.

В соответствии с этой логикой, исследуемый материал будет более полным и многообразным, а результаты — более адекватными, если в качестве *tertium comparationis* при сопоставительном исследовании будет выбран религиолектизм. Религиолект понимается как сравнительно устойчивая, социально маркированная подсистема языковой

системы, которая обслуживает речевые потребности ограниченной социальной группы верующих — членов определенного религиозного общества. Религиолект отражает теоцентрическую картину мира и характеризуется четко выраженными лексическими, фонетическими и грамматическими особенностями. Выбор в качестве единицы исследования теонемы или религиолектизма зависит не столько от того, насколько полную и многообразную картину данных мы планируем получить, сколько от того, в какой сфере осуществляем исследование — в языковой системе в целом или же в рамках одной из ее подсистем — религиолекта.

Комплексный сопоставительный анализ, безусловно, должен охватывать все уровни языковой системы. Однако следует отметить, что наиболее релевантными с точки зрения изучения проявлений специфики религиозного языка (особенно при сопоставлении неродственных языков) являются уровни лексики и фразеологии.

Интересным и перспективным представляется нам сопоставительное исследование эксплицирующих религиозную семантику единиц, закрепившихся в русском и грузинском языках. В этом направлении нами проведены исследования отдельных лексических групп (например, наименований православных праздников), отдельных слов, имеющих особую смысловую нагрузку и представляющих собой ядерные лексемы лексико-семантических групп с религиозным значением (например, слова *соборность*, *Пасха*, *святой* и т. д.). В результате интенсивной работы по вопросам сопоставительной лексикографии был издан «Русско-грузинский и грузинско-русский словарь православной лексики». Целью исследования, проводимого нами в настоящее время, является комплексный сопоставительный анализ православной лексики в русском и грузинском языках. В ходе работы был выявлен ряд общих характерных признаков религиозной лексики в сопоставляемых языках. Например:

– наличие большого количества православных терминов, часть которых не известна или малопонятна далеким от церкви носителям языка. Например, в русском языке: *клубук*, *неседален*, *покров*, *покровец*, *оглашённый*...; в грузинском языке: *კუნკული* (*kunkuli*), *დაუჯდომელი* (*daujdomeli*), *დაფარნა* (*dapharna*), *ენკერი* (*enkeri*), *კათაკმეველი* (*katakmeveli*), *ძლისპირი* (*dzlispiri*);

– широкое применение заимствованной лексики (как в русском, так и в грузинском, в основном грецизмов и латинизмов): *амвон* —

ამბიონი (ambioni); виссон — ბიზონი (bisoni); епифания — ეპიფანია (epiphania); евхаристия — ევქარისტია (evkaristia); урмос — ირმოსი (irmosi); религия — რელიგია (religia) и т. д.

В результате сопоставления выявляются существенные расхождения между соотносимыми лексическими единицами с семантической точки зрения: неполное соответствие семного состава, различия в парадигматических отношениях единиц и т. д. Нередко соотносимые единицы различаются коннотативными, ассоциативными семмами, ср.:

– *масленица — ყველიერი (kvelieri);*

– *масленица* — «1. Весенний — приуроченный христианской церковью к Сырной неделе перед Великим постом — праздник проводов зимы, с которым у славянских народов связан обычай печь блины и устраивать различные увеселения. 2. Чучело или ряженный человек, олицетворяющие собою этот праздник» (здесь и далее толкования русских слов взяты из словаря Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000]);

– *ყველიერი (kvelieri)* — «В христианстве неделя перед Великим постом, когда не ели мясного, из скоромного ели только рыбу и молочные продукты (в древности — народный земледельческий праздник перед приходом весны, когда устраивались различные развлечения)» (здесь и далее толкования грузинских слов (в переводе) даются по восьмитомному толковому словарю грузинского языка [Толковый словарь грузинского языка]);

– *коляда — ალილო (alilo);*

– *коляда* — старинный рождественский и святочный обряд, сопровождавшийся обходом домов с песнями и поздравлениями; сама обрядовая песня;

– *ალილო (alilo)* — 1. Обычай: в рождественскую ночь ходили по домам и пели «Алило». 2. Хоровая песня, исполняемая во время хождения на Алило.

Следует отметить, что в религиозной лексике сопоставляемых языков встречаются так называемые немотивированные лакуны — отсутствие вербальной номинации определенной реалии. Наличие подобных лексических лакун вовсе не свидетельствует об отсутствии в языковом сознании народа соответствующего концепта; он может быть выражен фразеологизмом, устойчивым сочетанием слов или оказаться «словесно не выраженным, не вербализованным» [Стернин 2016: 50]. К подобным языковым фактам относится, например, слово *Святки*, обозначающее дни, связанные с празднованием православными Рождества и Крещения и

сопровождающиеся гаданием, пением колядок, переодеванием и т. п. В грузинском языке соответствующее понятие вербализуется с помощью описательного выражения — *ქრისტეშობის დღეები შობიდან ნათლისღე ბამდე* (букв. *Рождественские дни с Рождества до Крещения*).

Несмотря на общность вероисповедания и литургии, в отдельных лексико-семантических группах религиозной лексики сопоставляемых языков встречаются безэквивалентные единицы, наличие которых в языке связано с особенностями традиций, культуры народа. Например, наличие в русском языке лексических единиц, обозначающих отдельные виды церковного колокольного звона: *трезвон, перезвон, перебор* и т. д., связано с богатой русской колокольной культурой, традициями церковного звона. В грузинском языке большинству из указанных выше слов со значением конкретных типов звона соответствует одна лексическая единица — *ზარი (zari)*. В грузинском языке выявляются лакуны в лексико-семантической группе, вербализующей понятие церковного песнопения: *გამშვენებული გალობა (gamshvenebuli galoba), შეხმობა-შებანება (shekhmoba-shebaneba), წათქმა (tsartkma)* и т. д. Это слова, обозначающие отдельные голоса, различные нюансы, связанные с многоголосием грузинского церковного песнопения. В русском языке они не находят полных лексических соответствий.

Таким образом, сопоставительная теолингвистика как область сопоставительных исследований находится на этапе формирования: происходит определение, уточнение объекта, основной проблематики, единиц, методов исследования. Учитывая малоизученность религиозного языка и важность духовной, религиозной составляющей в языковой картине мира, результаты исследований, проводимых в рамках сопоставительной теолингвистики, могут быть актуальными для других областей языкознания, нацеленных на изучение языка в тесной связи с духовной и культурной жизнью человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2010. 48 с.
2. Бувеч А. А. К вопросу о статусе новой интегрированной дисциплины — теолингвистики // Беларуско-польское супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія : зборнік навуковых артыкулаў. — Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. С. 132—134.
3. Гадомский А. К. К проблеме определения теолингвистики // Уч. зап. ТНУ. — Симферополь, 2004. № 17 (56). С. 63—69. (Филологические науки ; № 1).
4. Гадомский А. К. К вопросу о единицах теолингвистики // Восточнославянская филология : сб. науч.

работ. — Горловка, 2006. Вып. 11, ч. 1. Языкознание. С. 11—20.

5. Гадомский А. К. Русская теоллингвистика: история, основные направления исследований // Стил. — Београд, 2010. № 9. С. 357—374.

6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. — М. : Рус. яз., 2000.

7. Кончаревич К. К теоретико-методологическому обоснованию сопоставительной теоллингвистики (на материале русского и сербского языков) // Достижения и перспективы

сопоставительного изучения русского и других языков. — Белград, 2012. С. 14—22.

8. Стернин И. А. Концепты и лакуны // Вестн. Кыргыз.-слав. ун-та. 2016. Т. 16. № 8. С. 49—52.

9. Толковый словарь грузинского языка : в 8 т. — Тбилиси, 1950—1964. = ქართული ენის განმარტებითი ლექსიკონი. — თბ., 1950—1964. 8 ტ.

10. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. — Cambridge Univ. Pr., 1995.

I. D. Kikvidze

Kutaisi, Georgia

CONTRASTIVE THEOLINGUISTICS: SUBJECT AND AIMS OF THE RESEARCH

ABSTRACT. *The idea of identification of theolinguistics as an independent branch of linguistics with its own goals, tasks, aims, object and methods of research has recently appeared. The first scientific works that attempted to solve the problems of studying religious language in the frames of the new branch were written at the end of the XXth century. The article defines the following notions of theolinguistics: theoneme, religiolect, and religiolectism. Religiolect is a comparatively stable, socially marked subsystem of the language system which serves as the language of a social group of believers — the members of a certain religious community. One of the promising areas of synchronic theolinguistics is contrastive theolinguistics, the aim of which is to study the religious spheres in the languages under study. It should analyse all the levels of the language system, however the most relevant (especially when structurally different languages are compared) are the levels of vocabulary and phraseology. The article is based on contrastive research of the Georgian and Russian languages and it focuses on certain lexical groups (for example, names of Orthodox holidays), words with special meaning, making the nucleus of lexico-semantic groups with religious meaning (for example “conciliarity”, “Easter”, “holy”, etc.). The common features of the religious vocabulary of the Georgian and Russian languages are identified: specific Orthodox terms, which are not in use outside the religiolect; borrowings (mostly from Greek and Latin). The differences between the contrasted languages are also singled out: culture-specific vocabulary (names for different kinds of bell-ringing in Russian and the names for kinds of chants in Georgian).*

KEYWORDS: *contrastive theolinguistics; religiolect; theoneme; Russian; Georgian; comparative linguistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kikvidze Inga, Doctor of Philology, Professor of Department of Slavic Philology, Akaki Tsereteli State University, Kutaisi, Georgia.*

REFERENCES

1. Bugaeva I. V. Yazyk pravoslavnoy sfery: sovremennoe sostoyanie, tendentsii razvitiya : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 2010. 48 s.

2. Buevich A. A. K voprosu o statuse novoy integririrovannoy distsipliny — teolingvistiki // Belarуска-ruska-pol'skae supastayl'nal'nae movaznaŭstva, litaraturaznaŭstva, kul'turalogiya : zbornik navukovykh artykulaŭ. — Vitsebsk : VDU imya P. M. Masherava, 2013. S. 132—134.

3. Gadomskiy A. K. K probleme opredeleniya teolingvistiki // Uch. zap. TNU. — Simferopol', 2004. № 17 (56). S. 63—69. (Filologicheskie nauki ; № 1).

4. Gadomskiy A. K. K voprosu o edinitsakh teolingvistiki // Vostochnoslavjanskaya filologiya : sb. nauch. rabot. — Gorlovka, 2006. Vyp. 11, ch. 1. Yazykoznanie. S. 11—20.

5. Gadomskiy A. K. Russkaya teolingvistika: istoriya, osnovnye napravleniya issledovaniy // Stil. — Beograd, 2010. № 9. S. 357—374.

6. Efreмова Т. Ф. Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovoslovoobrazovatel'nyy : v 2 t. — M. : Rus. yaz., 2000.

7. Koncharevich K. K teoretiko-metodologicheskomu obosnovaniyu sopostavitel'noy teolingvistiki (na materiale russkogo i serbskogo yazykov) // Dostizheniya i perspektivy sopostavitel'nogo izucheniya russkogo i drugih yazykov. — Belgrad, 2012. S. 14—22.

8. Sternin I. A. Kontsepty i lakuny // Vestn. Kyrgyz.-slav. un-ta. 2016. T. 16. № 8. S. 49—52.

9. Tolkovyy slovar' gruzinskogo yazyka : v 8 t. — Tbilisi, 1950—1964.

10. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. — Cambridge Univ. Pr., 1995.